

ЧЕСТНОЕ СЛОВО В СКАЗКЕ «ЧЕРНЫЙ ПЕТУШОК» М. ЭМЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Дарья Дмитриевна Коньгина

студент историко-филологического факультета

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

konygina2003@mail.ru

Наталья Эдуардовна Сейбель

доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

seibelne@cspu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6840-8286>

Статья поступила в редакцию: 15.11.2025

В статье рассматривается сказка Марселя Эме «Черный петушок» как пример новаторского переосмысления жанра французской литературной сказки. Основное внимание уделено переосмыслению мотива «честного слова», которое становится инструментом обмана и самообмана. В работе раскрывается сатирический и философский потенциал сказки через анализ мотивов тщеславия, лести, гордыни, а также выявляются политические аллюзии, связанные с историческим контекстом. В заключении делается вывод о том, как Эме расширяет границы жанра за пределы традиционного назидания, создавая интеллектуальное и метафизическое повествование.

Ключевые слова: французская литературная сказка, басня, лесть, честное слово, обман, аллюзия.

Французская литературная сказка, как жанр, обладает богатой историей. Определяемая как «авторское художественное прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо придуманное самим писателем, но в любом случае подчиненное его воле» [Брауде 1977: 234], она строится на синтезе фольклорных и литературных принципов. Сформировавшись на основе народной, литературная сказка, согласно Л. В. Овчинниковой, «во многом наполняет

старые формы новым содержанием, опираясь на основные черты народной сказки (антропоморфизм, анимизм, чудесные превращения, гиперболизацию, иносказательность)» [Овчинникова 2007: 69].

Творчество Шарля Перро и Мари-Катрин д'Онуа в XVII веке послужило толчком к зарождению и становлению литературной сказки во Франции. Впоследствии жанр продолжает свое развитие от *conte merveilleux* (волшебной сказки) через *conte philosophique* (философскую сказку) Вольтера и *conte fantastique* (фантастическую сказку) к современным синкретическим формам, в том числе «необычной сказке» («*conte insolite*»), концепция которой разработана А. Командерой [Шевченко 2024: 24].

Творчество Марселя Эме, одного из выдающихся французских прозаиков XX века, представляет особый интерес для изучения в рамках данного жанра. Его сборник сказок «Сказки кота Мурлыки» (“*Les contes du chat perché*”), написанный с 1934 по 1946 гг., занимает особое место в детской французской литературе, представляя собой пример эволюции литературной сказки. Сказка «Черный петушок» (“*Le Petit coq noir*”), вошедшая в сборник, служит примером авторского метода, выражающегося в переосмыслении традиционных мотивов в рамках специфики французского *conte littéraire*.

Уже на уровне названия сборника М. Эме можно обнаружить следование традиции, выраженное в структурном сходстве с заглавием сборника сказок Перро «Сказки Матушки Гусыни». Параллель названий является неслучайной – она выступает элементом интертекстуальности, определяющим жанровую позицию Эме. Заглавие сборника Ш. Перро (“*Les Contes de ma mère l’Oye, ou Histoires ou contes du temps passé avec des moralités*”) отсылает к образу народной сказительницы, хранительницы древних, коллективных преданий. «Матушка Гусыня» символизирует нечто архаичное, традиционное, несущее в себе мудрость веков и непреложные моральные истины, которые Перро затем излагает в своих «моралите». Это отсылка к устной, дописьюменной культуре, подчеркивающая фольклорное происхождение сказок.

М. Эме, используя название «Сказки кота Мурлыки» (“*Les contes du chat perché*”), создаёт аналогичную, но при этом существенно измененную рамку повествования. Образ «кота Мурлыки» (дословно «кота на жёрдочке/насесте») также отсылает к животному-сказителю, однако его позиция «на жёрдочке» (“*perché*”) может быть интерпретирована как некая дистанцированность. Если Матушка Гусыня является олицетворением коллективного бессознательного и хранительницей традиции, то кот Мурлыка, будучи отдельной зооморфной фигурой, приобретает

черты индивидуального наблюдателя и рассказчика. Он становится фигурой с собственной, возможно, ироничной или отстраненной точкой зрения, что сразу же маркирует авторскую сказку Эме как произведение, переосмысливающее фольклор.

Аллюзия на басню, известную нам как «Ворона и Лисица» И. А. Крылова (вернее, её французский прототип Лафонтена), в «Черном петушке» ещё раз подчеркивает синтетический характер французской литературной сказки. Этот жанр органично объединяет черты различных повествовательных традиций: от новеллы и фавль до басни. Как отмечает О. А. Шевченко, литературная сказка также обнаруживает родство с французской новеллой, обогатившей свои итальянские корни национальной культурой, народными мотивами, элементами фантастики и социально-политическим подтекстом [Шевченко 2024: 21].

Сказка и басня традиционно имеют общие черты, такие как дидактическая направленность и аллегоричность. Обращение к образам животных с целью раскрытия различных человеческих качеств берет начало еще в античных баснях Эзопа. Однако, в отличие от сказки, басня всегда содержит четко сформулированную мораль. М. Эме, встраивая басенный мотив хитрости и лести, воплощенный в традиционном образе лисы, расширяет его, выводя из контекста частной ситуации (личной выгоды) на социальный уровень. В «Черном петушке» лиса не просто обманывает ради сиюминутной добычи, как в классической басне; её цель – разрушить целое птичье сообщество.

Композиция сказки «Черный петушок» строится на последовательном повторении ключевых мотивов, что дает возможность автору донести ясный дидактический посыл: тот, кто не держит слова и поддается гордыне, неизбежно погибает от собственного хвастовства. Сюжет строится на двукратном нарушении петушком данного им слова, причем оба раза это нарушение провоцируется его восприимчивостью к лести. Первое «честное слово» петушок дает как бы невзначай, будучи похваленным Дельфиной за свои «красивые перышки». Он начинает хвастаться своим намерением «поубавить спеси» лисе. Это обещание, продиктованное тщеславием, он нарушает, когда, испугавшись, начинает искать предлог для отступления, вместо того чтобы идти в лес. («Я поспежу за лужайкой, чтобы лиса не улизнала, а вы отправитесь в чашу и там постараетесь что-нибудь разузнать...» [Эме 1994: 271]).

Второе, более значимое «честное слово» петушок дает курам, поддавись лести лисы, которая убеждает героя в его исключительности и подталкивает к выполнению «высокой миссии». Под влиянием этих слов, которые обещают ему «свободу» и «вечную жизнь», петушок клянется привести их к беззаботному существованию в лесу. Однако и это

обещание оказывается ложным, поскольку герой, по собственной глупости, сам не осознает всей опасности своего положения и оказывается не способен защитить тех, кто ему поверил. Эта повторяемость мотивов наталкивает на основную мысль сказки: гордыня и самообман, подпитываемые лестью, ведут к трагическим последствиям.

Помимо основных мотивов, повествование усилено параллельными сюжетными линиями, в частности, историей девочек. Мотивы обмана и страха, изначально присущие петушку, отражаются в действиях Дельфины и Маринетты, которые лгут родителям, льстят петушку и, в конечном итоге, сами оказываются напуганы лисой. Стоит заметить, что композиционно страх героев выражен через одну и ту же деталь: как петушок в начале истории забрался на акацию, чтобы избежать столкновения с лисой, так и девочки в финале, спасаясь от хищницы, вынуждены искать убежища на том же дереве. Такая параллель подчеркивает универсальность «урока». Девочки на основе собственного опыта и истории петушка осознают, что их ложь и непослушание являются «ужасным грехом».

Анализ льстивых речей лисы и ответной реакции петушка дают основание обратиться к политическим аллюзиям, которые придают сказке «Черный петушок» сатирический характер. Лиса, соблазняющая петушка «свободой» и «жизнью без хозяев», использует классические приемы демагогии. Автор неслучайно оставляет ремарку о том, что лиса «родилась в 1922 году» [Эме 1994: 273]. Этот год отсылает читателя к политическим событиям во Франции в период правления Национального блока. «Национальный блок – это коалиция либеральных и националистических партий, находившаяся у власти во Франции в 1919–1924 гг.» [Крылов 2024: 300]. Так лиса становится инструментом политической силы, действующим под маской освобождения. Петушок, движимый желанием славы, охотно принимает на себя роль вождя, партийного лидера. Он начинает агитацию, используя «лозунги» лисы, показывая механизм формирования политического движения, основанного на тщеславии лидера и слепой вере масс, соблазненных обещаниями утопии. Птицы, следовавшие за петушком, становятся метафорой политически незрелых масс, которые, соблазнившись лозунгами свободы, в итоге оказываются под властью нового, гораздо более жестокого режима.

Расширяя традиционные функции типизации, внешность персонажей у М. Эме также становится отражением сатиры. «Гордый вид» и «золотистый огонек в глазу» петушка предвосхищают его тщеславную и в конечном итоге разрушительную натуру. Не менее значима и символика черного петуха. С одной стороны, петух во Франции является

олицетворением стойкости, отваги и боевого духа. Однако Эме наделяет образ черного петушка абсолютно противоположным значением. В отличие от героического глашатая, черный петушок символизирует непомерные амбиции, чрезмерное тщеславие и гордыню, что делает его идеальным объектом манипуляций и ещё раз подтверждает наличие политической аллюзии.

Воспитательный аспект играет ключевую роль в сказках Марселя Эме, что является особенностью народной сказки. «Сказка всегда использовалась в народной педагогике в широком смысле этого слова – от обряда инициации до обычного в быту рассказывания сказок детям» [Гусев 1967: 125]. Через персонажей-животных юные читатели не только знакомятся с миром природы, но и усваивают нравственные ценности и правила поведения, сложившиеся в обществе. Неизменным дидактическим принципом является наказание зла и торжество добра. Однако в сказке «Черный петушок» Эме предлагает парадоксальный финал. Птицы, пережив катастрофу, приходят к выводу о превосходстве подчиненного существования над иллюзорной свободой («надолго став благоразумными, убедили себя в том, что нет более надежного счастья, чем быть съеденными хозяевами» [Эме 1994: 278]). Эта формально выраженная «антимораль» на уровне фабулы, казалось бы, подвергает сомнению дидактический потенциал сказки. Однако на более глубоком уровне читатель тем не менее прослеживает закономерную расплату за тщеславие, глупость и гордыню. «Лавровый венок» петушка, символ триумфа, становится атрибутом лжевождя, ведущего к катастрофе. Гротескный финал, где тело петушка съедают «в винном соусе, заправленном лавровым листом из венка, украшавшего его в дни триумфа» [Эме 1994: 278], превращает этот символ в метафору самообмана и жертвенности во имя ложных идеалов. Отсутствие однозначного назидания характерно для усложненных форм литературной сказки XX века, в которой читатель не получает готового ответа, а вынужден самостоятельно осмысливать многозначность событий. При этом «необычная сказка» М. Эме, как и другие произведения этого типа, порождает не страх в традиционной форме, а скорее «интеллектуальное или метафизическое размышление» [Шевченко 2024: 24].

Так Марсель Эме в сказке «Черный петушок» переосмысливает традиции литературной сказки. Он опирается на устоявшиеся жанровые формы, использует узнаваемые мотивы и интертекстуальные отсылки к Шарлю Перро и басенной традиции, подтверждая преемственность жанра. Однако центральным элементом новаторства выступает переосмысление концепции «честного слова». В произведении М. Эме оно

не является незыблемым моральным обязательством, а становится способом обмана и самообмана. Мораль сказки также подвергается переоценке. Он предлагает своеобразную «антимораль», побуждающую читателя к самостоятельному осмыслению причинно-следственных связей и нравственных уроков. Эме, делая сказку сатирической и философской, новаторски показывает, как гордыня и ложь ведут к краху. Таким образом, сказка М. Эме выходит за рамки традиционного морализаторства, предлагая сатирическое, философское и интеллектуально насыщенное повествование.

Список литературы

Брауде Л. Ю. К истории понятия «литературная сказка» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.: М.: Наука, 1977. С. 226–239.

Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л.: Наука, 1967. 319 с.

Крылов С. А. Советский вопрос в политике французского Национального блока // Власть, 2024. С. 299–303. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-vopros-v-politike-frantsuzskogo-natsionalnogo-bloka> (дата обращения: 12.11.2025).

Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века (история, классификация, поэтика): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 387 с.

Шевченко О. А. Поэтика французской литературной сказки в творчестве М. Турнье и П. Киньяра: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2024. 193 с.

Эме М. Черный петушок / Предисл. и пер. с фр. Т. Ворсановой. М.: Диапазон, 1994. С. 268–278.

THE OATH IN THE FABLE *THE BLACK COCKEREL* BY M. EME: TRADITIONS AND INNOVATION

Daria D. Konygina

Student of the Faculty of History and Philology
South Ural State University of Humanities and Pedagogy
454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69
konygina2003@mail.ru

Natalia E. Seibel

Doctor of Philology, Professor in the Department of Russian Language and Literature
South Ural State University of Humanities and Pedagogy
454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69
seibelne@cspu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6840-8286>
Submitted 15.11.2025

The article examines Marcel Aymé's fairy tale *The Black Cockerel* as an example of an innovative reinterpretation of the French literary fairy tale genre. The focus is on the reinterpretation of the "oaf" motif, which becomes a tool for deception and self-deception. The article explores the satirical and philosophical potential of the fairy tale through an analysis of the motifs of vanity, flattery, and pride, as well as identifying political allusions related to the historical context. In conclusion, it is concluded how Aime expands the boundaries of the genre beyond the traditional didacticism, creating an intellectual and metaphysical narrative.

Key words: french literary fairy tale, fable, flattery, word of honor, deception, allusion.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Коньгина Д. Д., Сейбель Н. Э. Честное слово в сказке «Черный петушок» М. Эме: традиции и новаторство // Мировая литература в контексте культуры. 2025. № 21 (27). С. 33–39. doi 10.17072/2304-909X-2025-21-33-39

Please cite this article in English as:

Konygina D. D., Seibel N. E. Chestnoye slovo v skazke «Chernyy petushok» M. Eme: traditsii i novatorstvo [The Oaf in the Fable *The Black Cockerel* by M. Eme: Traditions and Innovation]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture]. 2025, issue 21 (27), pp. 33–39. doi 10.17072/2304-909X-2025-21-33-39